

Илья Буркун

Дружба длиною в жизнь

Памяти Михаила Жванецкого

Одессу есть за что уважать. За архитектурные ансамбли, за море, за ее историю, а главное – за ее способность в любые времена рождать «музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны среднего образования», – написал Михаил Жванецкий.

В 1934 году в этом замечательном городе родились и два друга. 28 января 1934 года – Аркадий Бортник, а через пять недель, 6 марта, родился Михаил Жванецкий.

Михаил Жванецкий и Аркадий Бортник

После окончания войны они впервые встретились 6 ноября 1945 года в одесской мужской школе № 118. Всегда вспоминали 6 ноября – день, ставший знаковым в их судьбе. А тогда случайная встреча двух совершенно разных людей переросла в дружбу длиной в жизнь. И только смерть М.М. Жванецкого 6 ноября 2020 года ее прервала.

Из интервью с Михаилом Жванецким. «Вопрос: Вы много встречали людей умнее вас? Ответ: Наверное, умнее меня Андрей Битов, Фазиль Искандер, если говорить по писательской линии. Умнее меня Аркадий Бортник, мой товарищ, Додик Лурье, о котором я писал...»

Об уме своего самого близкого друга Михаил Жванецкий писал не однажды. Маленькая миниатюра, посвященная Аркадию Бортнику, написанная в 1973 году.

Аркадий и комар

Мой друг Аркадий очень умен.
Золотая голова и руки.
Взял шесть комаров и штангенциркуль.
Измерил штангелем размах крыльев – 5 мм.
И стал делать сетку.
Горизонтально сетку не натягивал.
Только вертикально.
Через 5 мм.
Комар брасом не летит, только баттерфляем.
Комар от рождения вираж не закладывает.
Комар не может сложить крылья, пролезть, а потом расправить.
Чего проще...
Но комар, как всякий кровососущий, туп.
А мой друг Аркадий умен и добр.
Поэтому дома они теперь не встречаются. Только на улице.

В 1941 году покидавшие Одессу под бомбежками, выжившие после самой страшной войны, голодавшие в эвакуации, одиннад-

Встреча через 25 лет. Бывшие ученики и их педагоги. Второй ряд снизу, крайний слева – А. Бортник.
Верхний ряд, крайний слева – Михаил Жванецкий

цатилетними пацанами они встретились в 1945. Встретились в пятом классе 118-й школы на ул. Преображенской (тогда она называлась ул. Советской Армии). В 1976 году ученики этого класса решили отметить юбилейную дату – 25 лет окончания школы.

Инициатором был Аркадий Бортник. В стенгазете, выпущенной тоже Аркадием, он написал:

Нам сегодня 25!
Много это или мало?
Как хотелось бы опять
Все начать сначала.

На таких встречах, как стало традицией, читал свои новые произведения Михаил Жванецкий. Друзья первые его слушатели. И в тот вечер он прочел написанную к этой дате удивительную миниатюру «Учитель», о Борисе Ефимовиче Друккере – преподавателе русского языка. Легенда Одессы, подаривший несмышленным

Борис Ефимович Друккер с учениками

мальчишкам русский язык, давший многим из них путевку в жизнь. Миниатюра, облетевшая мир, – памятник и благодарность великому педагогу.

Рассказ парадоксален в своем сюжете, что всегда отличало творчество Михаила Жванецкого. Гротеск и сарказм вначале, неожиданный поворот в финале. Слова безмерной признательности, щемящей грусти, дань благодарности необыкновенному человеку и учителю за великий чистый острый русский язык.

А мне посчастливилось записать интервью с Михаилом Жванецким, прилетевшим в Австралию в 2003 году. Он тогда вспоминал о школьных годах:

– Со школьных лет нас было семеро – Аркадий Бортник, Толя Мильштейн, Марк Гризоцкий, Додик Лурье, Володя Сапожников, Боря Вайнштейн. Мы вместе с пятого класса. Нет уже Бори Вайнштейна и Володи Сапожникова. Остальные все в разных странах. Аркадий Бортник живет здесь, в Мельбурне, Лурье в Иерусалиме,

Михаил Жванецкий и Илья Буркун

Гризоцкий в Оттаве, я в Москве, только Толя Мильштейн остался в родном городе.

Вот такая судьба, как и судьба очень многих. В записной книжке у меня осталось 4-5 одесских номера. Новых друзей завести я не могу. С 90-х главное событие этих лет, чем мы жили, прежде всего – отъезд наших друзей. Очень тяжело переживается. Теперь, чтобы встретиться и поговорить с Аркадием, я лечу через все континенты... Я сейчас скажу формулу. Внимание: «Постараться помочь той стране, откуда мы уехали, и не навредить той, куда мы приехали!».

К сожалению, прав был Михаил Жванецкий, отъезд из страны оказался главным событием тех лет для многих из нас. «Наша страна – родина талантов, а наша Родина – их кладбище» – напишет он.

«В Одессу – это на родину, к своим. Сейчас многие на родину к чужим приезжают и стараются там жить. Ну что для меня Украина, если живу здесь июль – август – сентябрь – октябрь. Пока не сравняется погода. Когда сравняется – перелетаю».

Михаил Жванецкий, Наталья Сурова и Аркадий Бортник

Переехав в Москву, Михаил Жванецкий забрал к себе свою маму Раису Яковлевну Жванецкую. Они были очень близки. Мудрая, тактичная, врач по профессии, первый его критик и наставник. Всю жизнь мама была рядом. Михаил Михайлович ее обожал. Это ей принадлежит знаменитая фраза: «Миша, не сиди просто так, думай что-то». Когда Раиса Яковлевна ушла из жизни, Михаил Жванецкий выполнил ее завещание, перевез в Одессу, и она похоронена рядом с его отцом.

В трагический день, когда великий одессит шагнул в вечность, Одесса – единственный город в мире, приспустив государственные флаги, объявила траур, почтив память великого земляка.

Все годы жизни в Одессе ближайший друг писателя Аркадий Бортник был главным организатором их встреч, связующим звеном. И по сложившейся традиции друзья собирались у него на даче, на 10 станции Большого Фонтана.

Здесь на даче Михаил Жванецкий познакомил своего друга с будущей женой Наташей Суровой.

Почтить память Раисы Яковлевны Жванецкой пришли друзья, соседи. На знаменитой лестнице в его доме, на Старопортофранковской, 133, рядом со Жванецким: Венера Умарова, Аркадий и Нина Бортник, Гарик Волк, литературный секретарь Олег Сташкевич, Роман Карцев, Виктор Ильченко, школьные друзья

На этой исторической даче рождались и многие репризы Жванецкого. И часто, когда он читал свои произведения, жители соседних домов подходили к окнам Аркадия, становясь участниками необычного концерта. Когда Жванецкий заканчивал чтение, аплодировали друзья, а из открытых окон в комнату врвались аплодисменты соседей.

И встреча выпускников в 1976 году, начавшись в школе, закончилась традиционным застольем. На стене висела подготовленная Аркадием стенгазета. Надпись от редактора гласила: «Выходит раз в 25 лет». И лозунг: «Жванецким можешь ты не быть, но на банкете быть обязан».

Одесские дачи – это особый мир, которому Михаил Жванецкий посвятил отдельную книгу. Она так и называется – «Одесские дачи». В Интернете легко можно найти запись, где автор читает этот живой теплый рассказ.

Слушая его голос под любимую джазовую композицию, можно ощутить запахи, услышать звуки, почувствовать тепло августовского одесского вечера, увидеть звездное небо над головой и проникнуться настроением удивительного города у Черного моря. Смех и грусть, слезы и любовь...

Завершает книгу Михаил Михайлович словами: «Все, полная тишина, я хочу сказать... Все, все, полная тишина, я прошу, полная тишина... Вот мы все здесь собрались... В нашем городе... Возле нашего моря... Я хочу, чтоб мы жили вечно. Чтоб мы никогда не расставались. Чтобы погода была – как на душе, чтоб на душе – как этот вечер... И пусть мы живем... А он все это опишет. И пусть то, что он опишет, понравится всем и будет жить вечно... Пусть это всегда будет с нами... как наша жизнь, как наша любовь...»

Перевернута предпоследняя страница одной из самых лиричных книг писателя и с нескрываемой грустью он заканчивает списком из личной записной книжечки, с именами и телефонами тех, с кем встречался, дружил. Одесситов, разъехавшихся по миру, и многих, уехавших туда, откуда уже не возвращаются.

«А они все уехали, – напишет он на последней странице.

Аркадий Бортник 25 45 68

Буркун Илья 44 61 64

Вайнштейн Борис 22 09 62

Волк Гаррик 25 38 92

Вика Шапошникова 25 75 05

Лурье Додик 26 41 22

Мусюк Изя 65 55 35

Макаревский Давид 24 76 87

Макаров Юра 65 30 19

Мордань Тамара 22 20 42

Призант Мила 2364 98

И остальные, чьи телефоны мне неизвестны...»

М. Жванецкий

А пока вернемся в 90-е. В стране самое часто употребляемое слово – перестройка. Мир изменился в одночасье. В каком воспаленном мозгу могла возникнуть мысль, что больше не будет генеральных секретарей, появится президент страны, избранный народом, и один из первых указов – запрет всеми ненавистой компартии. Казалось, решается будущее страны. Думали – все изменится. Какие мы возлагали надежды на будущее...

Аркадий Бортник и Михаил Жванецкий

Прощаясь с Михаилом Михайловичем, журналист, общественный деятель, правозащитник Алла Гербер вспоминала об этом времени:

«Помню, когда мы боролись за Ельцина, я была одной из тех, кто организовал митинг в его поддержку. Я старалась пригласить тех, кому поверят, кого послушают и что-то поймут. Пригласила Жванецкого, и он пришел, хотя чувствовал себя плохо, но ни секунды не сомневался. Пришел и сказал замечательно. После него собирался выступить Ельцин. Очень переживал, был немного подшофе. Его выступление было явно неуместным. Я понимала, как ему было нелегко. Он честно пытался уйти из своего времени, родить в себе другого человека. После Жванецкого он прошел к микрофону. И вдруг Миша подходит к Ельцину и тихо говорит: «Борис Николаевич, мне кажется, вам не надо выступать сейчас». И он послушался Жванецкого. Миша чуть не расплакался, он верил этому человеку и понимал, какую трагедию переживает Ельцин. К Мише прислушались все. Он нам был нужен.

Всего год назад прошел его юбилей. Зал полон, такое впечатление, что он переполнен Москвой. Двери в фойе были открыты, и в них стоял народ.

Он и страна, человек, который принадлежит всем: олигарху и президенту, крестьянам и рабочим. Он был мудр, нам этого не хватает. Великолепный ребе, великий ученый еврей. Когда я его видела, я всегда волновалась. Его мысль билась, как сердце, это было остро, смешно, зло... Он сострадал нашей стране, нашему отечеству, неразумному, не сумевшему стать мудрее».

В 1992 г. сын Аркадия, Борис Бортник принимает решение об отъезде. Страшное потрясение для родителей. Они в отчаянии, единственный сын с женой и любимыми внуками покидают Одессу. Михаил Жванецкий видел, как страдают близкие друзья. Чем можно им помочь?.. В один из дней в квартире Бортника раздался звонок. Аркадий открывает дверь, на пороге курьер, протягивает конверт – распишитесь. Немая сцена. С удивлением он открывает конверт. В нем два авиабилета в Израиль и обратно, на имя Аркадия и его супруги Нины. Михаил Михайлович подарил друзьям путешествие, чтобы смягчить разлуку с сыном.

А через четыре года Аркадий с Ниной уже сами летят в Австралию. В Мельбурне их встречает Борис с семьей. Жванецкий напишет тогда: «Не тем путем идешь, Аркадий. Ты всегда делаешь, что говоришь, но никогда не говоришь, что делаешь. Он был хорош, хотя искал чего-то большего. И он уехал, и там преуспел».

А Аркадий, поселившись в Мельбурне, получил квартиру от государства. Гостиная, две спальни, оборудованная кухня, комната для стирки со встроенными шкафами. В одной из спален Аркадий оборудовал небольшую мастерскую и продолжал заниматься любимым делом – ремонтом бытовой техники.

В гостиной как напоминание о друге висит уникальная фотография, подаренная Жванецким в свой день рождения в далеком 1976 году. На ней история их дружбы в автографах Михаила Жванецкого разных лет.

Первая запись: «Дорогим Аркадию и Нине от еще не старого друга от школьных лет до наших дней 6.11.1976 г.».

Дорогие
Аркадий и
Миле от еще
от старого друга
80 летних дней 6/11.96

Дорогие
Аркадий и
Миле
в свой
день
рождения
6 марта 82
но в 12 56ч
ночи
С любовью
самыми
добрими
Аркадием
и Миле
6/11/82

Дорогие Аркадий и Миле,
25 лет назад
и все!
Ваш старый друг
6.11.00

И вот
сегодня 45го
да на грани
судьбы и точно
мавна где ценю
и ищу
Ваша наведа
6.11.96 года
да, вам бог
адреса
масса
6.11.96

Следующая запись в этот же день, но уже в другой год: «Я опять здесь в свой день рождения, 6 марта, но в 1 ч. 56 мин. ночи. С моими самыми дорогими друзьями Аркадием и Ниной 06.03.1982 г.»

Третий автограф Михаил Жванецкий оставил 06.03.1996 г., перед их вылетом в Австралию. Специально прилетел в Одессу попрощаться с друзьями. «И вот сегодня утро 06.03.1996 года. Год на грани. Дай Вам бог счастья и точного адреса. Главное, где Вас искать. Целую и желаю счастья, Ваш навсегда. Михаил Жванецкий».

Наконец, последний исторический автограф уже в Австралии, в 2000 году: «Дорогие Аркадий и Нина! 25 лет назад нам было хуже, и мы были хуже! Будьте счастливы. Оставляю место для следующей записи. Ваш Михаил Жванецкий. 06.03.2000 года».

Больше они не встречались. Только частые телефонные разговоры и поздравления с днями рождения, переписка с появлением Интернета. Ежемесячная виртуальная встреча с другом в передаче «Дежурный по стране». Чем старше они становятся, тем чаще печальные сообщения о покинувших этот мир друзей и близких. 20 марта 2016 года ушла из жизни супруга Аркадия Нина. 6 ноября 2020 года не стало Михаила Жванецкого.

В этот день ранним утром у меня раздался неожиданный звонок. Звонил Аркадий. Обычно утром он никогда не звонил, ходил на прогулку, созванивались вечерами. «Привет», – раздался его голос. И долгая пауза. Я почувствовал необъяснимую тревогу. И словно обухом по голове: «Умер Миша»... Дальше он говорить не мог. В трубке я слышал лишь приглушенное рыдание...

Кто же такой Аркадий Бортник, которого так любил Жванецкий, с кем длилась дружба 75 лет, кто занимал столь значимое место в его жизни, к чьим советам он прислушивался?

Оба – дети войны. «Пока не грохнула война. Дальше – поезд, Средняя Азия, школа, Победа, возвращение в Одессу», – напишет Михаил Жванецкий.

Семью Аркадия война застала в Одессе. Отец работал на заводе «Автозапчасть» начальником транспортного цеха. Хотя завод обслуживал советский автопром, но автомобилей было мало, и заводской транспорт представляли подводы, запряженные лошадьми.

С июля 1941 г. Одессу бомбили ежедневно. При первых звуках воздушной тревоги мама хватала шестилетнего Аркадия, брала в руку маленький фибровый чемоданчик, и они бежали в подвал. Кто-то со свечой, счастливчики обладали керосиновой лампой. В полумраке подземелья от неровного света на стенах появлялись уродливые тени.

И когда вздрагивала земля от разрывов бомб, колыхался огонь свечей, и тени, пляшущие в полумраке на стене, вызывали ужас не только у детей.

А линия фронта все ближе подходила к городу. Началась эвакуация предприятий. Администрация завода принимает решение подводами транспортного цеха вывозить членов семей. Мама с маленьким Аркадием с вечера погрузили в подводу вещи: с еще одной семьей они должны были покинуть город ранним утром. Судьба распорядилась иначе. Ночью у Аркадия поднялась температура, к утру 40°, начался бред. Врач, осмотрев ребенка, ставит страшный диагноз: «Дифтерит. Ни о каком отъезде не может быть и речи. Если сейчас уедете, потеряете сына». Пришлось остаться.

Позже они узнают, что немцы высадили десант, перерезав дорогу отступающим. Большинство заводчан, покинувших город, были убиты. Такая же участь могла постигнуть и Аркадия с беременной мамой. Его болезнь спасла им жизнь. К тому времени Одесса с суши полностью окружена. Единственной дорогой жизни для одесситов оставалось море. Демонтированное заводское оборудование грузили на судно. Вместе с заводом эвакуировали и оставшихся членов семей. Дед, отец мамы, уезжать категорически отказался, заявив: «Я воевал в Первой мировой, видел немцев – это интеллигентные люди». Они с бабушкой погибли в гетто на Слободке.

Уходили из Одессы в дождливую промозглую осеннюю ночь. Тревожные гудки парохода. Корабль переполнен, люди разместились в кают-компаниях, в коридорах нижних палуб. Уходили с погашенными огнями. И только корабельные прожектора освещали фарватер. Лучи с трудом пробивались сквозь плотный туман, освещая черную воду залива. Вдоль бортов стояли матросы с длинными шестами в руках. Концы шестов обмотаны ветошью.

Матросы всматривались в темноту, пытаясь разглядеть плавающие в воде морские мины. И, обнаружив их, шестами осторожно отводили от бортов корабля. Неосторожное движение – и мог произойти взрыв.

Покинув Одессу, через сутки пароход причалил в порту Мариуполя. Пассажирских вагонов не хватало, комплектовали товарные составы, оборудовали нарами. В порту царил хаос. Отец был занят погрузкой оборудования, Аркадий оставался с мамой. Оставив его возле вагона в ожидании посадки, мама решила сбежать за кипятком. Посадка началась в ее отсутствие. Когда вернулась, ни на перроне, ни в вагоне Аркадия не было. На последнем месяце беременности женщина металась по причалам, по путям, разыскивая сына. Можно себе представить, какой ужас она пережила. Тем временем объявили об отправлении поезда. Отец и сотрудники завода силой заставили мать Аркадия сесть в уходящий состав.

В дороге от волнения у нее начались схватки. Ее высадили из поезда на одной из станций, отправили в местную больницу. Отцу Аркадия разрешили ее сопровождать. Роды были сложными. Выписали только через месяц.

А маленький перепуганный Аркадий долго бродил по вокзалу, искал маму. Кто-то из взрослых, увидев плачущего мальчика, отвел его в вокзальное отделение милиции. В это же время отправляли на Восток один из детских домов. С ним и уехал Аркадий. Семье повезло. Завод «Автозапчасть» направили в г. Чкалов. Туда же прибыл и детский дом, где находился Аркадий. Родители после рождения второго сына добрались до Чкалова. Рассылали запросы в поисках старшего сына и уже потеряли всякую надежду, когда пришел ответ. Оказалось, Аркадий находился в нескольких кварталах от места их жительства.

Отец весь день был занят на заводе. Когда закончили наладку, его призвали на фронт. Заканчивался 1941 год. Мама осталась с двумя детьми. Им выделили маленькую комнатку без удобств. Печка-буржуйка, дымоход выходил в форточку. Туалет во дворе, воду приносили из колонки. Главным водоносом был маленький Аркадий. Особенно тяжело было зимой, когда и колонка, и все вокруг покрывалось льдом. Он долго не мог приспособиться к коромыслу, на котором носил два ведра.

Закончился декретный отпуск у мамы, и она вынуждена была выйти на работу. Она была единственная кормилица в семье, получающая хлебные карточки. Аркадий пошел в первый класс. Утром в школу, возвращался к двум часам. Мама работала во вторую смену. На его попечении оставался маленький Миша. Школьные военные годы запомнились холодом и голодом – есть хотелось всегда. Мама давала Аркадию в школу бутылочку. В ней почти на доньшке было немного молока, которое она получала как кормящая мать, и маленький кусочек хлеба. Молоко и завернутый в бумажку хлеб он носил в авоське. (Авоська – сумка тех времен, сплетенная из хлопчатобумажных нитей. Складывалась в небольшой комок. Обычно ее носили в кармане – авось пригодится. Отсюда и название.) В школе дедовщина. В первый же день старшие школьники отобрали его скудный обед, да еще дали подзатыльник. Было очень обидно. Выросший на улицах одесской Молдаванки, он рано научился давать сдачи. На следующий день, когда к нему вновь подошел хулиган, Аркадий, размахнувшись авоськой с бутылкой, ударил обидчика по голове. Вызвали мать, хотели исключить из школы, но больше его не обижали. Четвертый класс он окончил с отличием и получил похвальную грамоту.

Одессу освободили в апреле 1944 года. В родной город они вернулись летом 1945-го. Квартира Бортников была занята. Освобождать никто не собирался. Только в 1947 году, когда отец пришел с войны, после судебного разбирательства квартиру вернули законным хозяевам. А пока они поселились в квартире погибших дедушки и бабушки. Им повезло, так как прежние жильцы – полицаи, занявшие их квартиру, бежали вместе с румынами.

В сентябре 1945-го Аркадий пошел в пятый класс. Детей мало, в их классе всего десять учеников. Администрация города принимает решение объединить несколько школ. Класс Аркадия переводят в школу № 118. Ученики не очень рады. Школа рядом с домом, маленький класс, привыкли друг к другу. Всем классом ходили с жалобой в районо – ничего не помогло. Мог ли Аркадий предположить, что перевод в новую школу окажется судьбоносным, изменившим всю его жизнь? Именно тогда состоялась встреча Аркадия Бортника с будущим писателем Михаилом Жванецким. Это произошло 6 ноября 1945 года.

Аркадий Райкин и завлит театра Михаил Жванецкий

Как и все советские дети, они были пионерами, комсомольцами. Аркадий избирался старостой, комсоргом. Три человека в классе шли на золотую медаль. Жванецкий, Бортник, Кравцов. Увы, шли, шли, но дошли не все. Медаль получил только Кравцов. С горестным юмором об этом напишет Михаил Жванецкий: «Я вырос в смертельной борьбе за существование. Откуда этот юмор? Где его почва? Везде – от окончания школы до поступления в институт. Учителя предупреждали: парень идет на медаль. Шел, шел, шел, потом: нет, он еврей, – и где-то в десятом классе я перестал идти на медаль. Ни черта не получилось – еврей! Потом опять еврей, и снова еврей – все время я натывался на это лбом, у меня не было того – самого главного... Я всегда говорил:

«А вы могли бы в этой стране прожить евреем?». Когда вижу антисемита, мне хочется спросить: «Ты что, завидуешь?». Я же не вылезал из конкурентной борьбы. То подождут, то не дадут, то обидят, то вообще задавят. Одно, другое, третье – и все время ты сглатываешь, сглатываешь... Сейчас я закончу формулировкой: неважно, кем ты был, – важно, кем стал».

И дальше продолжает: «Что движет евреем – чувство опасности. Что защищает еврея – чувство юмора. Еврей – это болезнь или образ жизни? Еврей – это подробность. Это бензин страны. Свобода расширила понятие «еврей», сюда входят люди разных национальностей, мало-мальски интеллигентные и талантливые».

Михаил Жванецкий в своем доме принимает московского раввина

Перед уходом Михаил Жванецкий, вспоминая свою жизнь, подводит итог: «Вся штука в том, что ты стремишься в институт, в консерваторию, в скрипку, в науку, в спорт, лезешь наверх, напрягая все силы, чтобы доказать, что ты не еврей. И наступает момент, когда ты становишься не евреем, а Ойстрахом, Гилельсом, Плисецкой или Пеле. Но всегда будут люди выше или наравне с тобой, и для них ты опять еврей. И что тебе тут посоветовать, кроме как принять, наконец, это звание и умереть среди своих». И он принял это звание и стал *Михаилом Жванецким*, и умер среди своих...

Но вернемся к Аркадию. В его жизни были два увлечения. Первое – с шестилетнего возраста, когда родители подарили ему детский барабан. С тех пор он с ним уже не расставался. Помните реплику Бориса Друккера: «Он кошмарный ударник по своим родителям и по моей голове»?

В седьмом классе два друга, Жванецкий и Бортник, увлеклись гимнастикой. Записались в секцию спортзала «Труд». Добились результата, сдали на второй разряд. На городских соревнованиях представляли свою школу.

Но главным увлечением всей жизни Аркадия стала радиотехника. Он посещает кружок Станции юных техников. Вначале примитивные радиоприемники, радиоуправляемые самолеты. Затем более сложное. А тем временем звучит последний звонок. Медали не получил, но уже мог отремонтировать любой радиоприемник. Заработал первые деньги на поход с подружкой в кино, в кафе-мороженое.

И свой выбор Аркадий уже сделал: будет поступать в Одесский институт связи. Первый экзамен – русская литература. Уроки легендарного Друккера не пропали зря. «Отлично» по сочинению, «отлично» по литературе. Следующий экзамен – письменная математика. Абитуриенты сидели по одному за столом. Все шло хорошо, Аркадий легко справился с задачей и двумя примерами, уже собирался сдать экзаменационный лист, когда сосед, сидящий за ним, тронул его за плечо. Он обернулся: «В котором часу мы заканчиваем?» – спросил сосед. Аркадий не успел ответить, когда подошел преподаватель, не говоря ни слова, написал на его экзаменационном листе: «Разговаривал на экзамене». На следующий день вывешены результаты испытаний. Против своей фамилии он увидит – три. Когда Аркадий потребовал, чтобы ему показали экзаменационный лист, ему объяснили – вы допустили серьезное нарушение, разговаривали на экзамене, результат понизили на два балла.

Оставалось ждать следующего года и повторить попытку. А пока решил устроиться на работу. Вскоре стал работать грузчиком на полставки на инструментальном заводе. В свободное время продолжал ремонтировать радиотехнику. Об этом узнают сослуживцы. Появляется дополнительный заработок.

Проходит год, Аркадий подает документы в Одесский политехнический институт. Готовился очень тщательно, ошибиться было нельзя. На вступительных экзаменах обычно предлагали сочинения на три темы. Две по школьной программе литературы и одна свободная. Аркадий готовит сочинение на вольную тему. Вызубрил наизусть, память позволяла это сделать. Первый экзамен – сочинение, он уверен в успехе. На следующий день, придя в институт, подходит к вывешенным результатам. Шок: Бортник – тройка! Обращается в приемную комиссию, просит показать сочинение. Преподаватель, принимавший экзамен, заявляет: «Так написать десятиклассник не может, я убеждена, что вы его списали». С трудом сдерживая себя, он говорит: «Я готов в вашем присутствии написать сочинение, прямо сейчас». – «Не устраивайте цирк, здесь не глупее вас. Я принимаю экзамены не первый год, десятиклассник так написать сочинение не может».

В справочнике поступающих Аркадий прочел о том, что продолжается набор документов в Киевский политехнический институт. Через несколько дней он уже в Киеве. Самое удивительное, его зачисляют на заочное отделение по результатам только что сданных в Одессе экзаменов. Так он становится студентом.

Но, как пел Утесов: «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь». Первая настоящая любовь и на всю жизнь. Ее зовут Нина. Свадьба, рождение сына, нужно содержать семью. К этому времени он уже полноценный работник. В центре Одессы открывается мастерская предприятия «Рембыттехника», нужны радиотехники.

Месячное испытание – и очень быстро Аркадий становится одним из лучших специалистов в городе. Все стараются попасть к мастеру Бортнику. О таких в народе с уважением говорили: мастер золотые руки.

Первым освоил обслуживание слуховых аппаратов. Стал единственным специалистом по всей Одесской области и Молдавии. Пробовали и другие, но все шли к Бортнику.

В стране начинают выпуск фотовспышек. Единственный таллинский завод-изготовитель заключил с Бортником договор на гарантийное обслуживание. В 1976 году завод в Таллине объявляет всесоюзный конкурс среди профессионалов –

В мастерской

мастеров по ремонту их изделий. В конкурсе участвовало более трех с половиной тысяч человек. По его итогам первое место решено было не присуждать, второе место и денежную премию получил Бортник.

Когда-то писатель Акунин сказал, что каждый человек в чем-то талантлив. Но большинство, прожив свою жизнь, не подозревают, в чем их талант. И счастлив тот, кто сумел открыть свой талант. Тогда профессия не только принесет радость, но и обеспечит достойное существование.

К сожалению, таких счастливицков не очень много. Но к ним смело можно отнести Аркадия Бортника.

Михаил Жванецкий любил приходить к Аркадию на работу. Мастера сидели в большом зале, каждый за своим рабочим столом. И только у друга был небольшой кабинет. Жванецкий садился у окна, наблюдал за тем, что делает Аркадий, внимательно

слушал его телефонные беседы с клиентами и постоянно что-то записывал в свою записную книжку. Так под пером писателя родился портрет обаятельной фигуры – человека, обо всем имеющего свои суждения, не способного никому ответить молчанием, отказом. Этакий энциклопедист нашей жизни, немного смешной своей добротой и домашней отвагой. Миниатюру, посвященную своему другу, Жванецкий назвал «Специалист».

Сам Жванецкий рассказывал, что диалог с одними ответами рожден в кабинете его друга, в Одессе на улице Чижикова.

В этой миниатюре проявилась еще одна грань таланта большого писателя – когда в своем остроумии он легко выходит за пределы реальности, выступая в роли фантаста, рисуя образ не только первоклассного специалиста, но и человека с доброй широкой душой... Прочтите монолог, и вы поймете, с какой любовью, с каким уважением к другу он написан.

Специалист

– Бебеля, двадцать один, квартира три, – нет звука?.. А изображение?.. Нормальное... Хорошо... Я буду у вас с пяти до семи... Пожалуйста...

– Да, да... Слушаю... Плохо шьет?.. Строчку не дает?.. Немецкая... Свердлова, восемь, квартира сорок семь... Буду до пяти... Пожалуйста...

– Алло... да, я... Почему болит?.. А вы согревающий компресс на ночь... Нет, мой дорогой. Кто кого лечит?.. Я же вам оставил рецепт... Как – потеряли?! И что, температура поднялась?.. Тридцать восемь и три... Ничего без меня не принимайте. Только горчичники к ногам. Я буду у вас между шестью и восьмью... Лежите спокойно.

– Да... Снова замолчал... А вы ему телеграмму давали?.. Я же вам продиктовал текст... Ну, пишите: «Надоедать не буду. Но хочу оградить тебя от неприятностей. Жду на вокзале у газетного киоска в двадцать часов. Наташа». Прибежит. Мужчины трусливы. Если позвонит, не разговаривайте. Все при встрече. Потом мне расскажете... Не за что...

– Алло... Это вы... Я вам неправильно предсказал. Вместо большой дороги в казенный дом следует читать: «Задуманное вами исполнится вскоре. Вас ожидает большая радость и спокойная жизнь, что вам будет в награду за пережитое. Насчет личных интересов можете не сомневаться. Они окончатся удачно, и в жизни вашей удачи будут продолжаться вплоть до преклонных лет...» Записали?.. Если что-нибудь будет неправильно, позвоните, уточним... Я думаю, все будет хорошо.

– Да... Алло... С этим?.. Попробуйте сметану с пивом за четыре часа до. Полное отключение радио и телевидения. За три часа – чай с малиной и коньяком. Мюзик-холл с коньяком в антракте. Минут за двадцать – крепкий кофе с лимоном. Проветрите комнату и позвоните мне. Если не поможет, будем действовать током... Шестьсот вольт. Решающее средство... Всего доброго... В любое время...

– Замдиректора камвольного комбината?.. Минуточку!.. 298-18-23, с восьми до семнадцати... Пожалуйста.

– Да, да... В «Смене» сегодня «Люди и розы», сеансы в восемь, десять, двенадцать и так далее через каждые два часа... Пожалуйста...

– А-а! Арнольд Степанович!.. Откладывается у вас ревизия... Она нагрянет внезапно, восемнадцатого января в десять утра... Будьте здоровы. Звоните...

– Да... Слушаю вас, товарищ... Нет, мой дорогой. Так перед людьми не выступают... А мы вот взгреем вас на коллегии. Тогда вы возьметесь за дело... Что значит – записочки посылают? А вы отвечайте... Ну, мой милый, вы за это зарплату получаете. Всё!

– Шестнадцатый. Я – Таганрог. Посадку разрешаю... Ветер тринадцать боковой...

– Алло... Да... Пылесос «Ракета»? Бьет током?.. Провод не отсырел?.. Попробуйте просушить... Канатная, четырнадцать, квартира три... Буду у вас до трех...

– Натирку полов сейчас некому... Звоните в пятницу.

– Да-да... Не подошла?.. Ей тридцать пять... Вам пятьдесят пять, слава богу... Не читает газет... Что вы от нее хотите?.. Она не знает, где Лаос?.. Так объясните ей. Постойте... Вы просили... Вот у меня записано... Не старше тридцати пяти. Блондинку.

Не больше одного, не старше десяти. С высшим. С удобствами. Не выше третьего этажа. Район Парка культуры... Ничего насчет газет... Ах, вы решили добавить... Надо заранее... Записывайте. Лесной проспект, восемнадцать, корпус три, квартира четырнадцать... Библиотекарша. Вся периодика – через нее.

– Что у вас?.. Ого!.. Завтра вводите новую камеру Вильсона... В Серпухове?.. Посчитайте заново эффект Броуди – Гладкова. Подставьте лямбда 2,8 вместо 3,1... Да. Должно сойтись... Держите меня в курсе...

– Нет, мальчик, амнистии в этом году не будет.

– У вас что?.. Пьеса... А вы попробуйте поменять концовку. Не грустно лег, а радостно вскочил... И не на кладбище, а в санатории... И позвоните мне... А сейчас, извините, у меня обед...

Он развернул бумажку. Прижал пальцем котлетку к кусочку черного хлеба и начал есть, глядя в пространство.

В комнатке, где трудился Аркадий, висел преискурант. Там перечислялись услуги, которые он оказывал, и их стоимость. Однажды Жванецкий, взяв карандаш, написал на этом преискуранте: «А сколько стоит – *поговорить?*».

Еще один смешной эпизод. В осенне-зимнее время друг приходил в верхней одежде. В помещении было тепло, одежду снимал. В комнате Аркадия не было вешалки, и куртку он вешал на спинку стула. Несколько раз он просил забить гвоздь, на который можно было бы повесить куртку. Аркадий все время забывал. Через некоторое время в его книге жалоб и предложений Михаил Михайлович карандашом написал: «Несмотря на обращение к мастеру, гвоздь был вбит не был». После этого гвоздь был вбит...

Жванецкий, в 2003 году вернувшись из Австралии, где он встретился с Аркадием, напишет: «Выражаю личное мнение о будущем, имея в виду что-то вроде конца XX века, начала XXI века. Этим жарким летом мне показалось: дружба будет торжествовать повсеместно. Под этим будет пониматься что-то иное, чем сейчас, но в ней будут искать опору и утешение». До последних дней был поддержкой своему другу и находил опору в любознательном мудром доброжелательном товарище.

Обычно свои дни рождения Михаил Михайлович проводил в компании друга. Когда жил в Одессе – это было просто. Поселившись в Москве, Жванецкий либо прилетал на эти дни в Одессу, либо приглашал Аркадия с супругой в Москву, оплачивая перелет и гостиницу.

У всех великих было свое время – время Пушкина, Достоевского, Гоголя, Чехова, Бабеля. А нам выпало счастье жить в довольно жестокое время, когда творчество Жванецкого не признавали власть имущие, не публиковали его книг, не допускали на телевидение, запрещали выступать. И его, чьи произведения, записанные на магнитофонной пленке, знала вся страна, изгоняли с родины – Одессы, из своей страны – Украины.

Юрий Михайлик, сравнивая творчество Иосифа Бродского и Михаила Жванецкого, подчеркнул их особое историческое значение в русской литературе: «Такое сочетание имен, возможно, удивило бы их обладателей. Однако нам представляется, что существуют некоторые плоскости, где Иосиф Бродский и Михаил Жванецкий, на наш взгляд, соединимы определенно и естественно. Для начала ограничимся самоочевидным: история русской литературы XX века, богатая блистательными дарованиями, не сможет обойтись и без этих двух имен».

Мельбурн

